

РОДНОЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. М. Лебедева и В. Ф. Переверзева

ДОПУЩЕН

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕНОГО СОВЕТА

СБОРНИК 7-й

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА

1925

Н вопросу о графиках при изучении художественных произведений.

(Социологическая схема содержания «Мужиков» Чехова).

В № 2 «Родной язык в школе» в статье Спасской «Графики в применении к изучению литературных произведений» затронут весьма интересный и важный вопрос, которому до сего времени, по-моему, уделяется незаслуженно мало внимания. Совершенно справедливы указания названного товарища на то, что графики помогают уяснить литер. произведение. Они, несомненно, способствуют лучшему пониманию и усвоению литературного материала, ставя, так сказать, перед глазами учащихся литературные явления, демонстрируя их, что ли. Далее они, благодаря тому, что являются схемой, в которой, как и во всякой схеме, должна быть четкая обоснованность элементов, планомерность и законченность, прививают учащимся навыки в осуществлении тех же заданий и при словесном анализе произведений. Словесный анализ худож. произведений обычно грешит у них случайными и голословными сопоставлениями, разбросанностью и неполнотой, много способствуя выработке из учащегося безответственного фразера, каких в изобилии поставляла наша дореформенная школа. Конечно, они не единственное и не самое радикальное средство борьбы с указанными дефектами ученической работы; они всего только один из приемов в ряду других, но еще мало использованный, богатый возможностями и обладающий специфическими преимуществами. И, конечно, еще раз права тов. Спасская, предупреждая об опасностях попыток графически зафиксировать чисто субъективные моменты анализа и оценки литературных явлений (упоминаемая ею схема смены настроений героя Чеховского «Черного монаха»), на чем, весьма допустимо, может споткнуться преподаватель «неточной дисциплины — словесности», чаще всего мало знакомый с принципами и пределами диаграммных изображений вообще. Но, думается, что это вовсе не препятствие, а лишь повод к тому, чтобы серьезнее, вдумчивее подойти к вопросу.

В другой статье, помещенной на страницах журнала и принадлежащей тов. Лойко (№ 3) «Работа словесников в школах взрослых г. Москвы», сообщается между прочим, что практическое разрешение интересующего нас вопроса начинает все больше занимать место в работе коллег. Тов. Лойко выражает при этом пожелание о применении график к изучению общественной стороны художественных произведений. Действительно, рекомендуемый прием особенно было бы полезно применять для выявления так называемого социологического эквивалента: полезно сделать его наглядным для учащихся. Нет сомнения, весьма заманчиво представление в виде график и формальной стороны художественного произведения (композиции); не менее интересно тем же путем изобразить «психологию литературных героев», дать «диаграмму личности» или провести психологические параллели и т. п., и все это более или менее удачно выполненным находим мы у тов. Спас-

ской, напр., в указанной ее статье. Но пора же, наконец, вообще-то перейти к единственно—правильному подходу к литературным явлениям—к социологическому их обоснованию, к марксистскому объяснению. Не будем и наш прием отдавать на исключительное служение пресловутому психологическому анализу. Согласимся, что в наше время в школах, отдавая формальному анализу должное, все-таки большее внимание должно уделять вопросам содержания литературы и связи с общественностью. Я не возражал бы, конечно, если бы графика знакомила с зависимостью психологии героя от среды, и особенно приветствовал бы изображение связи формы с эпохой. Но первое труднее для выполнения, а второе и вообще мало разработанная область, и, думается, что если бы пока что ориентироваться на содержание, на сюжет хотя бы, и то возможно сделать многое.

Я хочу ниже поделиться с произведенною мною в этом направлении пробой в ленинградской Опытной-показательной вечерней школе взрослых. Проба, может быть и даже наверное, мало удачна, как один из первых опытов, но она заинтересовала учащихся и, по-моему, углубила их отношение к художественному произведению, способствовала более сознательному подходу к социологическому анализу. Она осуществлена мною еще до знакомства со статьями упомянутых выше товарищей, что свидетельствует о том, что вопрос, поднятый ими, в частности тов. Лойко, носится в воздухе.

Я читал и разбирал в IV сем. (2-е полугодие 2-го concentra), где, как известно, проходится пропедевтический курс литературы, «Мужики» Чехова. Мне, заинтересованному как раз в это время использованием график на уроках своего предмета, представилось, когда мы производили социологический разбор этого произведения, особенно благодарным и показательным графическое его выражение. Я разъяснил учащимся, знакомым уже с применением график в статистике, что и в нашей области они желательны, а главное возможны, и мы приступили к делу. Весь класс с большим оживлением обсуждал и самый замысел нашей графики и детали выполнения, предлагал наперерыв чертившему у доски товарищу и горячо обсуждал те или иные вариации. Так возникла наша графическая «социологическая схема содержания «Мужиков» Чехова.

Окончательно она была выполнена уже дома тремя слушателями, потому что мы решили оживить ее иллюстрациями. Здесь я смогу привести, конечно, только голую схему, без рисунков, остов нашей графики, отчего впечатление, несомненно, значительно проигрывает. Но свое основное задание графического социологического эквивалента содержания произведения она безусловно выполняет.

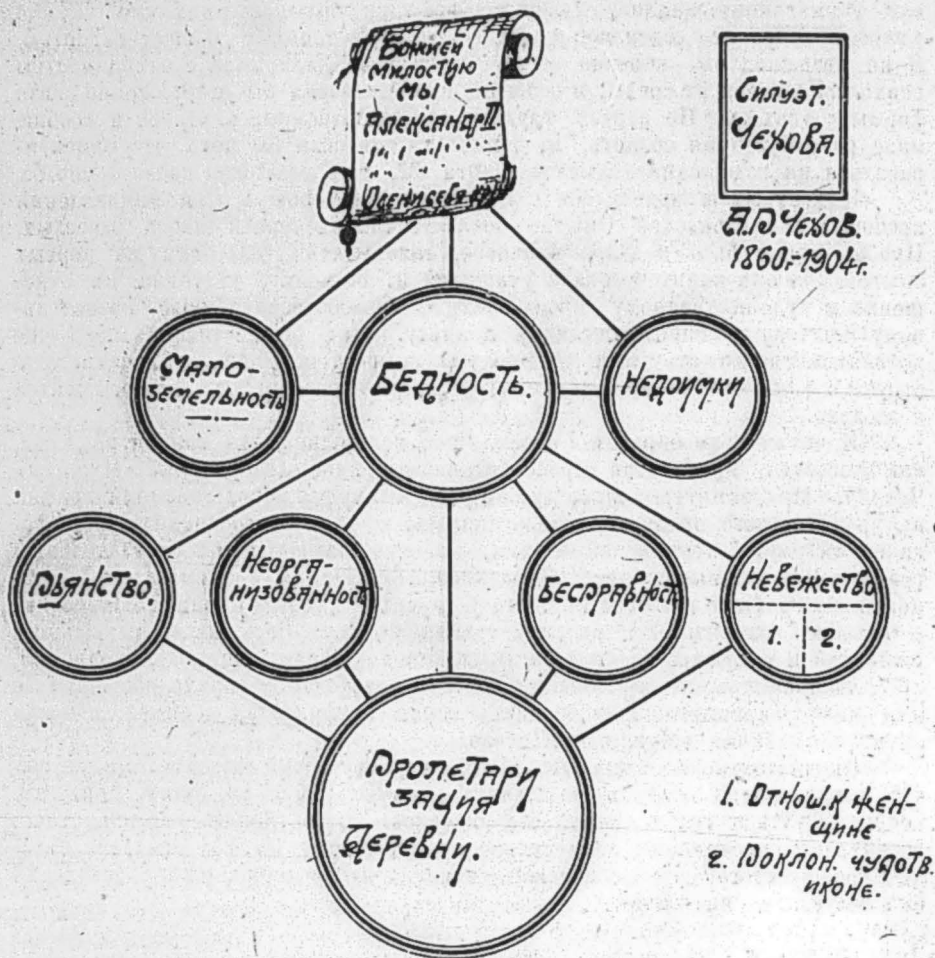
Социологическая схема содержания «Мужиков» Чехова.

Краткое содержание повести (социологическая канва).

Сюжетами рисунков, предложенными также классом, помещенных в кругах, служат, главным образом, эпизоды из повести. Напр., в круге с надписью «недомки» зарисован момент, когда староста и урядник выносят из избы последнее утешение крестьянской семьи—самовар, не обращая внимания на протесты и слезы хозяев; в круге «неорганизованность» изображена сцена пожара, к тушению которого не знают как приступить почесывающие в затылках, разводящие руками и горячо спорящие о необходимых мерах мужики; в круге «пролетаризация» заключен рисунок, на котором по дороге из деревни к виднеющемуся вдаль городу с дымом фабричных труб идет крестьянин с котомкой за плечами, и т. д. и т. п.

По замыслу, наша графика должна наглядно показать путь от манифеста 19 февраля 1861 г. к пролетаризации крестьянских масс, что так живо

представил в своей повести Чехов. Вспомните, как называющие от безысходно-тяжелой жизни обезземеленные мужики вспоминают щи и кашу крепостных времен, как, страдая в тисках нужды и произвола правительственных агентов, деревня становится верным поставщиком рабочей силы в Москву.

Не стану отрицать, что в нашей диаграмме имеется достаточное количество условностей, но ведь и всякая схема, собственно, условность сама по себе. И, кроме того, это мой первый опыт. По впечатлению, которое он произвел на учащихся, во всяком случае, считаю его достаточно оправдавшим связанные с ним ожидания. Приглашаю товарищей продолжить мое начинание.

Федор Михайлов.